

Н. Д. КАРПОВ

Крым — Галлиполи — Балканы

<Фрагменты>

IX. Общество галлиполийцев

Еще в Галлиполи, решая вопросы повседневной жизни войск, генералы Врангель, Кутепов и их окружение понимали, что рано или поздно из лагерей все равно придется уходить, части размещать в европейских странах, и с течением времени связи между прошедшими Гражданскую войну и военные лагеря, неминуемо начнут ослабевать, события войны все более отдаляться, появятся новые заботы, решать которые будет под силу не командованию, а общественности. Нужна была самостоятельная организация со своим уставом, знаком отличия и руководящими органами, приспособленными к гражданской жизни. Такая организация и должна была взять на себя обязанности по сохранению исторической памяти своих войск, заботиться о местах захоронения боевых товарищей, оказывать помощь нуждающимся и т. д. Кое-что в этом направлении делали так называемые «исторические комиссии», но круг их обязанностей был очень ограничен, к тому же они были полностью лишены общественных начал.

Работа по созданию такой организации началась в июле 1921 года, а уже в ноябре Врангель издает приказ о создании Общества галлиполийцев. К разработке устава общества приступила специально назначенная Кутеповым комиссия, в которую вошли: полковник Н. С. Савченко, капитаны Б. Н. Раевский и В. В. Полянский. Проект этого устава перед отъездом из Галлиполи был принят на собрании учредителей общества под председательством генерала Кутепова.

В параграфе 6 были определены следующие цели общества:

а) Объединение в духе Русской армии и борьбы за освобождение Родины лиц, кот<орые> по оставлении в 1920 г. русскими войсками Крыма прибыли в Галлиполи, и их учет.

б) Изыскание способов к улучшению условий существования членов общества.

в) Культурная и материальная помощь членам общества.

г) Собрание исторических материалов, относящихся ко времени пребывания членов общества как в Галлиполи, так и после него,

их разработка, а также попечение о памятниках, оставлен ных в Галлиполи и в местах расселения по оставлении Галлиполи.

д) Поддержание на должной высоте понятия о чести и достоинстве членов общества».

Особо подчеркивалось, что «Общество галлиполийцев входит в состав Русского общевойскового союза». Это уставное требование потом долгие годы являлось причиной серьезных разногласий между руководством РОВСа и главным правлением общества. Как потом выяснилось, ряд положений устава было сложно выполнить. В частности, все полномочия по управлению обществом принадлежали общему собранию его членов. В условиях, когда галлиполийцы начали разъезжаться чуть ли не по всему свету, такие собрания стали невозможны. Поэтому позднее было принято решение передать управление обществом съезду его представителей и правлению. Основные этапы деятельности Общества галлиполийцев подробно изложил в своем докладе последний выборный секретарь его главного правления штабс-капитан В. В. Полянский. Доклад был подготовлен 10 июня 1952 года в Париже и посвящался 30-летию юбилею общества.

«С самого начала, — читаем в докладе Полянского, — почетным председателем общества был Главнокомандующий Русской армией генерал П. Н. Врангель, а почетным председателем совета общества — командир 1-го армейского корпуса генерал А. П. Кутепов. На первом же собрании совета было избрано главное правление, председателем которого оказался генерал М. И. Репьев, секретарем же общества — подпоручик В. Х. Даватц». Вся организация общества после переезда корпуса из Галлиполи была поделена на отделы. Они существовали сначала только в Сербии и Болгарии, позже появились во Франции, Бельгии, а потом — в Северной Америке, Германии и Австралии. В странах, где галлиполийцев было немного, учреждались отделения общества, из отделений состояли и крупные отделы.

В таком виде общество просуществовало до 1924 года. Выборный принцип организации существенно снижал влияние на нее со стороны командования корпуса. «Когда в 1924 году, — сообщает в докладе Полянский, — ген. П. Н. Врангель встал перед необходимостью преобразовать Русскую армию в РОВС, он после некоторых колебаний видоизменил структуру об-ва, введя в качестве высшей инстанции назначаемого председателя об-ва при выборном председателе гл. правления. Мера эта вызвала рапорт об увольнении выборного секретаря об-ва прч. (поручика. — Н. К.) Даватца».

<...>

Особой активностью отличалась в это время работа Общества галлиполийцев в Чехословакии, прежде всего в г. Брно. Еще осенью 1921 г. правительство Чехословакии приняло на свое иждивение первую тысячу русских студентов. Здесь уместно привести слова,

сказанные тогда же председателем Совета министров Чехословакии доктором Бенешем на съезде Русских Академических организаций за границей: «Для нас всех ясно, что будущность русского народа покоится в руках молодежи. Это элемент, который имеет для нас наибольшее значение, и забота об его образовании и воспитании является в то же время наиболее необходимой работой в интересах всего русского народа. Когда мы ставили себе вопрос, каким образом мы могли бы лучше всего помочь русской эмиграции, то только что высказанные мысли именно и привели нас к решению призвать в наши высшие и средние учебные заведения насколько возможно большее количество русской молодежи, чтобы дать ей возможность продолжить свое учение». Среди молодых офицеров-галлиполийцев быстро распространились сведения о возможности получить образование в Чехословакии. Разными способами, как правило тайно, без соответствующих документов и средств к существованию они проникали в эту страну. В своих воспоминаниях один из тех, кому удалось попасть на учебу в Чехословакию, — В. Альмендингер подробно описал свой путь туда. Получив разрешение командования оставить свою часть в Болгарии, он прибыл в Софию, где с большим трудом оформил паспорт и визу для выезда в Бразилию. Но ехать на самом деле нужно было в Австрию, в Вену. Прибыв туда, Альмендингер по уже отработанному его предшественниками методу вместе с группой таких же, как он, русских молодых офицеров нанял проводника для нелегального перехода границы с Чехословакией. Им оказался кубанский казак, уже несколько лет проживавший в Вене и зарабатывавший на жизнь таким образом. Преодолевали границу пешком, ночью, добрались до ближайшей железнодорожной станции и поездом прибыли в Прагу. Там они проникли в казармы, где проживали русские студенты, и с их помощью установили связи с Земгором (Объединенный комитет земского и городского союзов России). Его представитель помог будущим студентам оформить документы для легального проживания. Многим поступившим учиться в Праге и Брно Земгор назначил стипендии из тех средств, что выделило чешское правительство. В Праге к тому времени образовалось целых три студенческих союза. Первый — просто Союз русских студентов — национальный, второй — Русский студенческий союз (социалистический) и третий — «большевистский» Союз студентов. Бывших галлиполийских «сидельцев» не устраивало политическое лицо ни одного из этих союзов, и они, не выходя из головной организации, учредили Галлиполийское землячество. За основу его работы взяли положения устава Общества галлиполийцев. На собраниях землячества рассматривались вопросы взаимоотношений с остальной русской диаспорой, обсуждались политические события. Не снижался интерес к военному делу, его состоянию в Советской России. Были образованы даже своего рода курсы, для которых вы-

писывались советские воинские уставы, добывались и изучались пособия по устройству боевой техники и оружия советской армии. Особое внимание было уделено военной доктрине, разработанной на Зарубежных высших военно-научных курсах генерала Н. Н. Головина в Париже. Само появление курсов для русской военной эмиграции было настолько важным, что о нем следует сказать отдельно.

История курсов тесно связана с галлиполийцами. У их истоков стояли Врангель, Кутепов и другие военачальники 1-го армейского корпуса. После переезда войск в Сербию и Болгарию осенью 1921 года Врангель обратился к генералу Головину с предложением организовать военную академию и возглавить руководство. Выбор кандидатуры Головина был не случайным.

До Первой мировой войны полковник Николай Николаевич Головин был профессором Императорской Николаевской академии Генерального штаба, но за распространение новых взглядов, основанных на опыте Русско-японской войны, был отправлен на фронт в должности командира полка. Ко времени предложения, сделанного ему Врангелем, генерал Головин уже приобрел большую известность как военный ученый и исследователь военного дела. Высшие школы многих стран, а также многие университеты приглашали его читать лекции о Первой мировой войне.

В памятке «Зарубежные высшие военно-научные курсы под руководством профессора генерал-лейтенанта Н. Н. Головина», изданной И. Башкирцевым в 1977 году, в связи с 50-летием курсов, читаем: «Ген. Головин представил ген. Врангелю несостоятельность такого начинания, указывая, что опыт минувшей мировой войны еще не изучен, выводы из него не сделаны, какие бы то ни было пособия для изучения этого опыта отсутствуют. Кроме того, нет и достаточно подготовленных руководителей, которым можно было бы поручить преподавание. Ген. Врангель согласился с этими доводами и поручил ген. Головину заняться подготовкой всего необходимого для открытия академии». Идея пришлась Головину по душе, и он срочно приступил к подготовке необходимых научных материалов, написал труд под названием «Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы: Общие основания» (1924) и занялся подбором профессорско-преподавательского состава будущей академии. Главы своего труда Головин разослал в места наибольшего расселения русской военной эмиграции, где одновременно стали организовываться кружки, которые потом были объединены в Курсы высшего военного самообразования. В 1925 году число таких кружков достигло 52, в них занималось 550 слушателей.

Чтобы узнать реакцию офицеров и генералов на свой труд, Н. Н. Головин зимой 1926–1927 годов в Галлиполийском собрании в Париже прочитал пять лекций. Они оказались настоящим событием в жизни русской военной эмиграции. Зал был переполнен, люди

стояли в проходах и в прихожей. Все это подтвердило необходимость учреждения если не академии, то, по крайней мере, высших курсов. Вскоре состоялось решение создать такое учебное заведение.

Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала Головина взяли в основу положение бывшей Императорской Николаевской военной академии в редакции 1910 года. Выпускники причислялись к Генеральному штабу будущей армии. Учреждался и соответствующий академический знак с вензелем великого князя и императорской короной. Курсы были рассчитаны на четыре-пять лет и разделялись на три класса: младший, старший и дополнительный. «В младшем классе, — читаем далее у И. Башкирцева, — изучалась теория боевых действий в рамках дивизии. Одновременно проходила тактика родов оружия и другие военные дисциплины. В старшем классе изучалось использование дивизии в корпусах и в армии... в дополнительном классе проходятся дисциплины высшего порядка в государственном масштабе, иначе говоря, стратегия и связанные с ней вопросы».

<...>

